

Литургия в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов

Олег В. Ауоров

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, olegaurov1@yandex.ru;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olegaurov1@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль литургии как средства политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов, существовавшем во второй половине VI – начале VIII века на территории бывших испанских провинций Поздней Римской империи, а также провинции Нарбоннская Галлия. Так называемая «готская», или «мосарабская», литургическая традиция в своей основе сложилась в период поздней античности и получила дальнейшее развитие в эпоху Толедского королевства. В качестве основных источников в статье использованы поздние (VII век) редакции ряда испанских богослужебных текстов – служебника (“Liber Ordinum”), леонский антифоний и гимнарий (“Hymnodia Gothica”). Привлекалась также информация, содержащаяся в постановлениях толедских соборов, и «История короля Вамбы», написанная выдающимся политическим и церковным деятелем Юлианом Толедским (ок. 642–690). Подчеркивается, что в условиях крайней нестабильности, свойственной политической организации Толедского королевства на протяжении значительной части его истории, существенно возросла роль политической пропаганды как средства поддержания авторитета королевской власти. основополагающая роль Церкви в этой сфере определялась не только разработками в сфере политической теории, осуществлявшимися наиболее образованными представителями духовенства, но и значением литургии как средства утверждения важнейших политических идей в сознании широких масс верующих, представлявших все слои христианского общества. В конечном итоге следствием этой деятельности Церкви являлось сохранение позитивного образа королевской власти, в определенной мере компенсировавшее слабость политической системы.

Ключевые слова: Толедское королевство вестготов, Церковь, готская литургия, королевская власть, политическая пропаганда, поздняя античность, раннее Средневековье, Юлиан Толедский

Для цитирования: Ауров О.В. Литургия в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 25–35.

Liturgy in the System of Political Propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo

Oleg V. Aurov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia; olegaurov1@yandex.ru;*

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
olegaurov1@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the role of liturgy as an instrument of the political propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo, which existed from the middle of the 6th to the beginning of the 8th centuries in the territory of the former Spanish provinces of the Late Roman Empire, as well as the province of Narbonne Gaule. The so-called “Gothic” or “Mozarabic” liturgical tradition was basically formed in the period of Late Antiquity and was further developed in the time of the Toledo kingdom. The main sources in the article are the late (VII century) editions of a number of Spanish liturgical texts – the service book (“Liber Ordinum”), the Leon antiphony and hymnal (“Hymnodia Gothica”). The author also drawn the information contained in the resolutions of the Toledo councils and the “History of King Wamba”, written by an outstanding political and religious leader Julian of Toledo (circa 642–690). It is concluded that in the situation of utmost instability of the political system of the Kingdom of Toledo during the great part of its history the role of political propaganda increased significantly. It became an important mean to support the royal power authority. The fundamental part of the Church in that sphere was determined not only because of the political theory innovations elaborated by the most educated persons of the clergy, but by the significance of liturgy as a mean to inculcate some important political ideas in the minds of the broad masses of believers, representing the Christian society as a whole. The main consequence of that Church activity was the preservation of a positive image of royal power to a certain extent compensating for the weakness of the political system.

Keywords: Visigothic Kingdom of Toledo, Church, Gothic liturgy, royal power, political propaganda, Late Antiquity, Early Middle Ages, Julian of Toledo

For citation: Aurov OV. Liturgy in the System of Political Propaganda in the Visigothic Kingdom of Toledo. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, 2018;10:25-35.

Введение

В настоящей статье рассматривается проблема роли и места литургии¹ в системе политической пропаганды в Толедском королевстве вестготов, существовавшем на территории Испании и Юго-Западной Галлии во второй половине VI – начале VIII в. В научной литературе отмечено значение испанской политической мысли толедского времени как элемента функционирования политических механизмов в условиях глубокого кризиса организации власти, унаследованной от позднеримского времени, и исследован ряд конкретных аспектов этого явления (Х. Орландис, Е.С. Маррей, П. Диас, Л. Гарсия Морено, С. Мартен и др.) [1 с. 99–129; 2–5 р. 175–195; 6 р. 395–412; 7 р. 281–300; 8]. Однако до настоящего времени важнейшие памятники так называемой готской или мосарабской литургической традиции [9 с. 75–86] не рассматривались в качестве самостоятельного источника политической истории Толедского королевства. К числу таковых относятся, в первую очередь, служебник (“*Liber Ordinum*”), а также некоторые другие богослужебные книги – леонский антифонарий (собрание песнопений и церковных служб), гимнарий (сборник литургических гимнов) (“*Hymnodia Gothica*”) и некот. др. [10–12]. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

Король-военачальник в зеркале литургии

Указания на слабость и нестабильность власти в эпоху Толедского королевства являлись общим местом уже для современников, к числу которых, в частности, принадлежали Григорий Турский (III.30) [13] и франкские продолжатели его «Истории франков» (III.42) [14]. Несмотря на то, что с отказом вестготских правителей от арианской ереси (589 г.) был установлен прочный союз между

---

¹ Под литургией в данном случае, как это принято в западной христианской традиции, понимается богослужение в широком смысле.

королевской властью и испано- и галло-римским ортодоксальным епископатам, сам по себе этот шаг не решил проблемы укрепления королевской власти.

Среди прочего она не могла быть решена без выработки четких критериев отличия законного короля от короля-узурпатора. Выполнение этой миссии взяли на себя наиболее выдающиеся и образованные представители испанского епископата, в ряду которых особое место принадлежит Исидору Севильскому (ок. 560–636) и Юлиану Толедскому (ок. 642–690), которые, как представляется, внесли наиболее значительный вклад в развитие политической идеологии (политической теологии) вестготской монархии. При этом первый оставался приверженцем унаследованного от античности принципа коллективного ведения дел и связывал истоки легитимной (= идеальной) королевской власти с проведением выборов, процедура которых все более четко регламентировалась. Что же касается Юлиана, то он, учитывая политические реалии своего времени, взял курс на авторитарный идеал власти, опирающийся на прямую поддержку Церкви.

С учетом трудов других видных представителей образованного епископата конца VI – начала VIII в., а также постановлений поместных и провинциальных соборов, отражавших выработанные ими политические идеи, можно констатировать существование устойчивой идеологической традиции, развитие которой в течение означенного периода привело к постепенной замене представлений, восходивших к эпохе античности, новыми идеями, в большей мере соответствовавшими реалиям складывавшегося политикума средневекового типа. Однако остается непонятным, каким образом политические идеи и образы, выработанные немногочисленными, но блестящими интеллектуалами толедского периода, могли оказать влияние на реальные политические процессы этого времени.

В эпоху постепенной утраты черт античной политической культуры с ее народными собраниями и связанным с ними типом политической риторики, единственным местом, где собирались значительные массы людей, оставались городские базилики, использовавшиеся для христианских богослужений. Особое место представлений о власти и обязательной лояльности ее представителям в христианском сознании позволяет предположить, что собрания верующих не могли оставаться полностью изолированными от политических процессов своего времени там, где даже Христос уподоблялся «императору королей», а его власть над миром именовалась не иначе, как *imperium* (Col. 296) [10]. В не меньшей степени в пользу такой возможности говорит активное участие наиболее

видных представителей христианского клира в политике Толедского королевства: факт, хорошо изученный и не нуждающийся в дополнительном обосновании [8].

Прежде всего обращает на себя внимание наличие специальных литургических текстов и ритуалов, призванных возвысить авторитет правителя как главы военной организации королевства. Вестготские монархи, власть которых генетически восходила к статусу варварских военных вождей и позднеримских военачальников, традиционно рассматривали военную сферу как принципиально важную не только в прагматическом, но и в идеологическом смысле. Именно поэтому особое значение имели постановления, подобные 3-му канону Меридского провинциального собора (666 г.), который предписывал клирикам соответствующей провинции (Лузитании) в обязательном порядке проводить церковные службы во здравие и за победу короля и его войска в течение всего того времени, когда правитель находится в походе [15].

Еще более полно эти идеи воплотились в служебнике (*Liber Ordinum*), окончательная редакция которого сформировалась при прямом участии Юлиана Толедского. Он содержит тексты специальных богослужений, которые практиковались при выступлении королевского войска в поход (*Ordo XLVIII*) [10, с. 149–153]. Молитва во имя достижения королем победы прямо именует его «триумфатором». Другую специальную службу, отраженную в том же служебнике, надлежало проводить при встрече королевского воинства из похода (*Orationes XLVIII*) [10, col. 154–155]. Еще одно богослужение такого рода – специальное богослужение, которое надлежало проводить регулярно и которое содержало пожелания здоровья и благополучия не только королю, но и его супруге [10, col. 294]. При этом среди прочего следовало просить Господа отвести от правителя «войны с варварами» (*barbarica bella*) [10, col. 275].

Все перечисленные богослужения представляются весьма важными, так как среди прочего выполняли функции прямой политической пропаганды, призванной не только формировать и поддерживать у верующих сознание политической лояльности, но и своеобразным образом объяснять суть политики власти, ее ориентации на достижение общего блага – рудимента ушедших в прошлое римских представлений о гражданских ценностях. Подобные представления были весьма характерны для официального языка вестготской власти, причем не только в литургических, но и в юридических текстах – от соборных постановлений до королевских законов. Что совсем неслучайно: ведь в конечном итоге все

эти тексты создавались духовными лицами, уже во второй трети VII в. полностью вытеснивших мирян из интеллектуальной сферы. Именно исходя из этого следует понимать логику вестготских законодателей, объявлявших посягательство на королевскую власть преступлением против «народа и родины», как это следует, в частности, из 75-го канона IV Толедского собора (633 г.).

Вестготский король и ветхозаветный rex gloriosus

Отдельный аспект проблемы, связанный с ролью литургии как средства укрепления королевской власти, касается ряда характерных атрибутов статуса легитимного короля (*princeps religiosus*), противопоставлявших его королю-узурпатору (*rex tyrannus*). Ранее мне уже доводилось писать о том, что аргументация Юлиана Толедского имеет явно выраженную риторическую, а не юридическую природу [1], что хорошо видно из сопоставления соответствующих мест его «Истории Вамбы» (гл. 2–4), сочинения, написанного с целью установления четкой границы между *princeps religiosus* и *rex tyrannus* [16], с положениями 10-го канона VIII Толедского собора (653 г.). В конечном итоге и законный король, и узурпатор при ближайшем рассмотрении оказываются избранными не знатью и епископами (как того требовало соборное постановление), а собранием воинов (гл. 3) [16], т. е. с явным нарушением церковного законодательства. Очевидно, что именно поэтому Вамба был вынужден прибегнуть к ритуалу помазания на царство (гл. 4) [16], совершенно не предусмотренному ни римско-византийским, ни вестготским правом. Меткое перо Юлиана, ловко играющее аллюзиями, представило процесс вступления Вамбы на королевский трон как своеобразное отражение римского представления о легитимности вступления императора на престол с согласия римской армии, сената и народа. Однако отточенная литературная техника не может обмануть внимательного читателя: при ближайшем рассмотрении Вамба оказывается таким же узурпатором, как и его противник-узурпатор, мятежный дукс Павел.

Тот факт, что помазание на царство в Толедском королевстве VII в. выступало как своеобразное средство легитимации незаконного вступления на престол, полностью подтверждается другими событиями, прямо не связанными с мятежом Павла и проходившими при непосредственном участии Юлиана Толедского. В 680 г. путем придворной интриги (считается, что ее участником был и Юлиан) власть захватил служивший при дворе комит Эрвигий

(680–687). О ее деталях рассказывает поздняя «Хроника Альфонсо III» (гл. 3), по свидетельству которой король был опоен настоем из растения *spartus* (эспарто, или испанский дрок), вызывающим галлюцинации, а затем в невменяемом состоянии пострижен в монахи, что автоматически лишило его права занимать престол [17].

Опасаясь узурпаций, Эрвигий попытался закрепить свои права на трон, подтвердив их легитимность соборными постановлениями. Просьба об этом к отцам XII Толедского собора (681 г.) содержалась в королевском обращении (*tomus*), зачитанном при открытии, и уже в 1-м каноне она была исполнена. Главным из принятых решений стало освобождение народа, поклявшегося в верности Вамбе, от присяги, принесенной последнему. Основанием для этого стал комплекс признанных собором документов, из которых следовало, что предшественник Эрвигия тяжело заболел и по этой причине обрек себя на покаяние, а потому принял tonsуру и монашеский обет, избрав себе преемником упомянутого Эрвигия. Все документы были подписаны Вамбой собственноручно. В их число входили: 1) свидетельство (*notitia*), скрепленное подписями приматов дворца, подтверждающее принятие Вамбой монашеского обета и tonsуры; 2) определение (*scribituram definitionis*) свергнутого короля Вамбы о передаче власти Эрвигию; 3) указание (*informatio-nem*) Юлиану как епископу Толедо помазать Эрвигия на престол, что и было сделано. Отныне и впредь посягательство на жизнь и власть нового короля карались анафемой. В этом контексте весьма симптоматичным выглядит та настойчивость, с которой авторы постановления (которым, скорее всего, являлся сам Юлиан) указывают на факт помазания на царство [18 р. 135–215].

Неясным, однако, остается то, почему помазание, ветхозаветный ритуал, политическое значение которого как формы придания легитимного характера власти правителя так и не было закреплено законодательно, все более активно практиковалось в последний период истории Толедского королевства? У меня есть только одно объяснение этого факта. Выше уже говорилось о значимой роли литургических текстов и ритуалов в политической жизни вестготской монархии начиная с VII в. Представляется, однако, что эти тексты и ритуалы не только воспроизводили и пропагандировали некоторые политические идеи, но и порождали их.

В данном случае я имею в виду отраженные в леонском антифонари песнопения, собранные под рубрикой «Служба при поставлении (in ordinatione) или рождении короля» [11, р. 215]. Аналогичный раздел («На поставление короля») содержится в т. н. готском гимнарии, изданном в 1897 г. немецким исследователем

К. Блюме [12 с. 269]. Очевидно, что ветхозаветные образы, которыми оперируют авторы антифонов и гимнов, не имели отношения к реалиям Толедского королевства: каких-либо иных свидетельств о наличии специальных обрядов коронации, а тем более особых богослужений, совершавшихся при рождении наследников престола, не существовало (как не существовало и самого принципа прямого престолонаследия). Полагаю, однако, что регулярное исполнение во время богослужений произведений, в которых фигурировал образ царей израильских – Самуила, Давида, Мельхиседека, Соломона и др., – помазанных на царство «славных царей» (*reges gloriosi*), должен был рано или поздно утвердиться в создании верующих, сформировать представление о том, что идеальный, истинно легитимный правитель – это лишь (или в первую очередь) правитель *помазанный (unctus)*. Вероятно, именно к этому представлению и апеллировали узурпаторы. И не исключено, что в некоторых случаях – отнюдь не без пользы для себя.

Заключение

Перейду к заключительным замечаниям. Выше я постарался показать, что идеал правителя в том его виде, который сформировался в Толедском королевстве VI – начала VIII в., являлся неотъемлемой частью политических процессов. Его появление и основные направления эволюции можно объяснить лишь потребностью в выработке критериев легитимной власти, которые рассматривались в качестве важного средства противостояния узурпациям и политической нестабильности, обусловленной борьбой за власть в целом. Проще говоря, такой идеал давал практическую возможность отличить легитимную власть от нелегитимной, и именно в этом и состояло его политическое значение. В процессе эволюции на протяжении VII в. этот идеал шаг за шагом утрачивал значимые античные элементы, отраженные в сочинениях Исидора Севильского, и к концу столетия обрел выраженные средневековые черты в трудах Юлиана Толедского и его современников.

Роль христианского богослужения в том его виде, который сложился в рамках «готской» («мосарабской») литургической традиции в VII в., следует признать колоссальной. В первую очередь оно выступало в качестве средства утверждения в массовом сознании политических идей, выработанных образованной частью епископата. Наиболее последовательно этот аспект проявляется на

примере текстов и ритуалов, призванных возвеличить короля как верховного военачальника и его христианское воинство.

Однако не менее значимой представляется и обратная тенденция, также фиксируемая на материале памятников литургии вестготского времени. Речь идет об образах ветхозаветных правителей в том виде, в котором они отразились в латинских литургических текстах, использовавшихся в процессе богослужения. Наименование ветхозаветных царей-священнослужителей Древнего Израиля *reges (reges gloriosi)*, точно так же, как и действующих вестготских правителей, рано или поздно должно было привести к известному отождествлению последних с первыми, воспринимаемыми в качестве образца для подражания. Укоренение этих образцов в массовом сознании вследствие неоднократного повтора в неразрывной связи с эстетическими средствами невербального характера (ритмичная декламация, пение и др.) должно было иметь важные политические последствия. Среди прочего, к ним относится и практика заимствования ветхозаветного ритуала помазания как средства легитимации королевской власти, отраженная в «Истории короля Вамбы» Юлиана Толедского и связанных с ней материалах.

Литература

1. Теология и политика: Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – начало VIII в.): Исследования и переводы / Под общ. ред. О.В. Аурова, Е.С. Марей. М.: ИД Дело, 2017. 352 с.
2. *Марей Е.С.* Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 278 с.
3. *Barbero de Aguilera A.* La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid: Siglo XX de España Editores S.A., 1992. 249 p.
4. *Collins R.* La España Visigoda, 409–711. Barcelona: Crítica, 2005. 368 p.
5. *Díaz P.* Rey y poder en la Monarquía visigoda // Iberia. 1998. № 1. P. 175–195.
6. *García Moreno L.A.* La sucesión al trono en el Reino Godo de Toledo. La perspectiva prosopográfica // Doctrina a magistro discipulis tradita. Estudios en homenaje al profesor Dr. Luis García Iglesias / Ed. by A.J. Domínguez, G. Mora. Madrid: Ediciones UAM, 2010. P. 395–412.
7. *Martin C.* L'innovation politique dans le royaume de Tolède: le sacre du souverain // Elections et pouvoirs politiques du VIIe au XVIIe siècle / Dir. C. Peneau. Paris: Éditions Bière, 2009. 404 p.
8. *Orlandis J.* El poder real y la sucesión al trono en la monarquía. Madrid, Roma: CSIC, Delegación de Roma, 1962. 145 p. (Estudios visigóticos. T. 3).

9. Волков А.А. Испано-мосарабский обряд: К вопросу о двух литургических традициях // Христианское чтение. 2017. № 1 (72). С. 75–86.
10. Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle. Paris: Firmin-Didot, 1904. 799 p.
11. Antiphonarium Mozarabicum de la Catedral de León. León: [n.p], 1928. 245 p.
12. Hymnodia Gotica. Die Mozarabischen Hymnen des alt-spanischen Ritus: Aus handschriftlichen und gedruckten Quellen. Leipzig: O.R. Reiland, 1897. 296 S.
13. *Gregorii Turonensis episcopi*. Libri Historiarum. Hannoverae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1951. 641 p.
14. *Fredегarii et aliorum*. Chronica. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1888. 579 p.
15. Concilios visigóticos y hispano-romanos. Barcelona, Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez, 1963. 581 p.
16. Historia Wambae regis auctore *Iuliano episcopo Toletano* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. T. 5. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. 856 p.
17. Crónica de Alfonso III: Cronica Rotensis // Crónicas asturianas. Oviedo: Universidad de Oviedo, 1985. 323 p.
18. La colección canónica Hispana. Vol. 6. Madrid: CSIC, 2002. 344 p.

References

1. Aurov OV., Marei ES., eds. Theology and Politics: Power, the Church, and Text in the Visigothic Kingdoms (from the 5th to the Early 8th century): Studies and translations. Moscow: ID Delo Publ.; 2017. 352 p. (In Russ.)
2. Marey ES. Isidore of Seville and his ideas about law and justice. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ.; 2014. 278 p. (In Russ.)
3. Barbero de Aguilera A. La sociedad visigoda y su entorno histórico. Madrid: Siglo XX de España Editores S.A. Publ.; 1992. 249 p.
4. Collins R. La España Visigoda, 409–711. Barcelona: Crítica, 2005. 368 p.
5. Díaz P. Rey y poder en la Monarquía visigoda. *Iberia*. 1998;1:175-95.
6. García Moreno LA. La sucesión al trono en el Reino Godo de Toledo. La perspectiva prosopográfica. V: Domínguez AJ., Mora G., eds. *Doctrina a magistro discipulis tradita. Estudios en homenaje al profesor Dr. Luis García Iglesias*. Madrid: Ediciones UAM Publ.; 2010. p. 395-412.
7. Martin C. L'innovation politique dans le royaume de Tolède: le sacre du souverain. V: Elections et pouvoirs politiques du VIIe au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Bière Publ.; 2009. 404 p.
8. Orlandis J. El poder real y la sucesión al trono en la monarquía visigoda. Madrid, Roma: CSIC, Delegación de Roma Publ.; 1962. 145 p. (Estudios visigóticos. T. 3)

9. Volkov AA. Spanish-Mozarabic Rite. On the Question of Two Liturgical Traditions. *Khristianskoye chteniye*. 2017;1:75-86. (In Russ.)
10. Le Liber Ordinum en usage dans l'église Wisigothique et Mozarabe d'Espagne du cinquième au onzième siècle. Paris: Firmin-Didot Publ.; 1904. 799 p.
11. Antiphonarium Mozarabicum de la Catedral de León. León: [n.p], 1928. 245 p.
12. Hymnodia Gotica. Die Mozarabischen Hymnen des alt-spanischen Ritus: Aus handschriftlichen und gedruckten Quellen. Leipzig: O.R. Reisland, 1897. 296 S.
13. Gregorii Turonensis episcopi. Libri Historiarum. Hannoverae: Impensis Bibliopoli Hahniani Publ.; 1951. 641 p.
14. Fredegarii et aliorum. Chronica. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani Publ.; 1888. 579 p.
15. Concilios visigóticos y hispano-romanos. Barcelona, Madrid: CSIC, Instituto Enrique Flórez Publ.; 1963. 581 p.
16. Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano. V : Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. T. 5. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. 856 p.
17. Crónica de Alfonso III: Cronica Rotensis. V: Crónicas asturianas Oviedo: Universidad de Oviedo Publ.; 1985. 323 p.
18. La colección canónica Hispana. Vol. 6. Madrid: CSIC Publ.; 2002. 344 p.

Информация об авторе

Олег В. Ауоров, кандидат исторических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119571, пр. Вернадского, д. 82, стр. 9; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Мнусская пл., д. 6; olegaurov1@yandex.ru

Information about the author

Oleg V. Aurov, Ph.D. in History, associate professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya sq., Moscow, 125993, Russia; olegaurov1@yandex.ru